

Публицистика начала XX века о политической власти в России (на примере произведений И. А. Бунина)

Для нынешней эпохи характерен повышенный интерес к документальности во многих областях гуманитарных знаний. Одна из причин данного явления – растущее влияние средств массовой коммуникации на все сферы жизни человека.

Проблема оценки политической власти начала XX века была и остается одной из наиболее дискуссионных в исторической литературе.

На протяжении всего XX века давались неоднозначные оценки событиям, произошедшим в России в октябре 1917 года. «Революция, низвергающая старое, двигает историю вперед. Но она не может быть праздником для всех, для того, кто свергнут, кто потерял свой достаток, – это крушение. Без этих коллизий не может быть революции. Но, видимо, историки-марксисты, увлекаясь справедливой мыслью, что революции – локомотивы истории, праздники угнетенных и обездоленных, часто забывали о травмах и трагедиях побежденных» [1, с. 181–182], – так писал о революции В. В. Шульгин, один из основателей Добровольческой (Белой) армии, очевидец самых бурных исторических событий столетия.

Не свобода, равенство и братство, а террор и Гражданская война стали результатом революции. Лишь немногие решились вступить в борьбу и принять непосредственное участие в Гражданской войне, оказываясь во враждующих лагерях. Среди отважившихся бросить вызов первоначальному хаосу революции был Иван Бунин.

В 1916 году произошел перелом в мироощущении Бунина, назревший еще осенью 1915 года, когда Бунин писал своему другу, художнику П. Л. Нилусу: «Деревни опустели так, что жутко порой. Война и томит, и мучит, и тревожит» [3]. Писатель понимал весь ужас и бессмысленность войны, видел, что народу война не нужна, что она только разоряет страну и уносит множество жизней. «Народ воевать не хочет, ему война надоела, он не понимает, за что мы воюем, ему нет дела до войны. А в газетах продолжается все та же брехня... Все несут свое, не считаясь с тем, что народ войны не хочет и свирепеет с каждым днем... Война

все изменила. Во мне что-то треснуло, переломилось, наступила, как говорят, переоценка всех ценностей», – эти слова Бунина записал его племянник, Н. А. Пушешников.

Дневник писателя за 1916 год полон безнадежности и желчи. Сообщения газет о событиях на фронте и в тылу, разговоры, новые произведения литературы – все вызывает у него непреодолимое раздражение, пессимизм и ощущение ужаса от мысли, что старой жизни приходит конец. «В газетах та же ложь – восхваление доблестей русского народа, его способностей к организации. Все это очень взволновало “народ, народ”! А сами понятия не имеют (да и не хотят иметь) о нем. И что они сделали для него, этого действительно несчастного народа?» «Душевная и умственная тупость, слабость, литературное бесплодие все продолжается... Смертельно устал, – опять-таки уже очень давно, – и все не сдаюсь. Должно быть, большую роль сыграла тут война – какое великое душевное разочарование принесла она мне!»

Драматические события 1917 года в России повлекли перемены в жизни и литературной деятельности И. Бунина.

Развитие любой революции, в том числе и Великой Октябрьской – процесс сложный, противоречивый, антагонистический. С одной стороны, это, безусловно, разрушение – старого, отжившего мира, с другой – рождение нового, прогрессивного, пробивающего себе дорогу мироустройства. «Революция ужасна и жутка, – писал Н. А. Бердяев, – она уродлива и насильственна, как уродливо и насильственно рождение ребенка, уродливы и насильственны муки рождающей матери, уродлив и подвержен насилию рождающийся ребенок. Таково проклятие греховно-го мира» [2, с. 108–109].

Умный наблюдатель Бунин хорошо знал свой народ и темные стороны его психики и задолго до революции догадывался, какой там «хаос шевелится». Революционные бесчинства, свидетелем которых писатель стал, утвердили его в истинности давних наблюдений. Каково же было Бунину слышать похвалы русской удали, славословия, адресованные стихии разгула, и прочие пагубные благоглупости! И от кого! От подслеповатых теоретиков, от мудрствующих умниц! «И сколько их было таких! И все, уходя с заседаний, яростно продолжали спорить даже и в прихожей и надевали разные или чужие калоши».

«В России была тогда такая мерзость библейская, такая тьма египетская, которых не было на земле с самого сотворения мира, люди ели нечистоты, грязь, трупы, собственных детей и бабушек, многотысячными толпами шли куда-то на край света, куда глаза глядят, к какому-то

индейскому царю... В Москве, глухой, мертвой, рваной, вшивой, тифозной, с утра до ночи избиваемой и всячески истязаемой, замордованной до полной потери образа и подобия Божия, люди испражнялись друг при друге, в тех же самых углах, где они ютились, и каждую минуту всякий ждал, что вот-вот ворвется осатанелый от крови и самогона скот и отнимет у него, голодного Иова, последнюю гнилую картошку, изнасилует его жену или мать, ни с того ни с сего потащит и его “к стенке”... А старики [речь о Вяч. Иванове и М. Гершензоне – “Итоги”] сидели и поражали друг друга витиеватым красноречием на тему: лучше быть без культуры или же нет?»

«Планетарный» скот, «выродок», «нравственный идиот от рождения», «русский Каин» – это у Бунина о вожде пролетариата. «Ленин явил миру... нечто чудовищное, потрясающее: он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек... На своем кровавом престоле он стоял уже на четвереньках...»

Эти слова взяты из речи «Миссия русской эмиграции», произнесенной Иваном Буниным в Париже 16 февраля 1924 года. «Миссия русской эмиграции, – говорил писатель, – доказавшей своим исходом из России и своей борьбой, своими “ледяными походами”, что она не только за страх, но и за совесть не приемлет ленинских градом, ленинских заповедей, миссия эта заключается ныне в продолжении этого неприятия. “Они хотят, чтобы реки текли вспять, не хотят признать совершившегося!” Нет, не так, мы хотим не обратного, а только иного течения».

«Окаянные дни» написаны в одной из «самых прекрасных литературных форм» – дневниковой. Именно в личных записях автор предельно искренен, лаконичен, правдив. Все, что происходило вокруг него в первые дни 1918-го и до июня 1919 года, нашло отражение на страницах книги. Какие «дни» писатель считал «окаянными», известно – это революция и Гражданская война.

Автор размышлял о России, русском народе в напряженнейшие годы его жизни, поэтому преобладающей становится интонация подавленности, униженности происходящим. Бунин передает читателю ощущение национальной катастрофы, не соглашается с официальной характеристикой вождя, исторических деятелей, писателей.

В условиях расколотого общественного сознания «белый» Бунин защищает общечеловеческие нравственные основы. «Народу, революции все прощается, – “все это только эксцессы”. А у белых, у которых все отнято, поругано, изнасиловано, убито, – родина, родные колыбели и могилы, матери, отцы, сестры, – “эксцессов”, конечно, быть не должно».

«Купил книгу о большевиках, – пишет он. – Страшная галерея каторжников!..» Для Бунина любой революционер есть бандит, преступник в самом прямом и вульгарном смысле. «Преждевременная» преступность конкретных деятелей революции весьма сомнительна, но в целом Бунин совершенно точно выхватил действительную проблему русской революции – участие в ней уголовной стихии.

В своем выстраданном негодовании Бунин допускает немало несправедливостей. Под горячую руку ему попадают Блок, Есенин, Бабель – за поддакивание смуте. Луначарский – «гадина». Блок – «человек глупый». Большевики – «более наглых жуликов мир не видел».

Сравнивая вождей французской революции с российской, Бунин замечает: «Сен-Жюст, Робеспьер, Кутон... Ленин, Троцкий, Дзержинский... Кто подлее, кровожаднее, гаже? Конечно, все-таки московские. Но и парижские были не плохи» [3]. Бунин считает безумием называть Ленина благодетелем человечества, он полемизирует с теми, кто настаивает на гениальности теории вождя пролетариата, не прощая его даже мертвого: «На своем кровавом престоле он уже стоял на четвереньках; когда английские фотографии снимали его, он поминутно высовывал язык: ничего не значит, спорят! Сам Семашко брякнул сдуру во всеуслышанье, что в черепе этого нового Навуходносора нашли зеленую жижу вместо мозга; на смертном столе, в своем красном гробу, он лежал с ужаснейшей гримасой на серо-желтом лице: ничего не значит, спорят! А соратники его, так те прямо так и пишут: “Умер новый бог, создатель Нового Мира”».

В целом «революционные времена не милостивы: тут бьют и плакать не велят». Писатель размышлял о сути революции, сопоставляя эти события в разных странах в различное время, и пришел к выводу о том, что они «все одинаковы, все эти революции!» Одинаковы в своем стремлении создать бездну новых административных учреждений, открыть водопад декретов, циркуляров, увеличить число комиссаров – «непременно почему-то комиссаров», учредить многочисленные комитеты, союзы, партии.

Бунину грустно замечать, что революции создают даже новый язык, «сплошь состоящий из высокопарнейших восклицаний вперемешку с самой площадной бранью по адресу грязных остатков издыхающей тирании».

«Была Россия! Где она теперь...» – это сквозной мотив книги «Окаянные дни». На вопрос «кто виноват?» Бунин отвечает: «Народ». И при этом большую вину за происходящее возлагает на интеллигенцию. Бунин исторически совершенно точно определил, что интеллигенция во все времена провоцировала народ на баррикады, а сама оказывалась неспособ-

ной организовать новую жизнь. Уже в 1918 году он заявлял: «Не народ начал революцию, а вы. Народу было совершенно наплевать на все, чего мы хотели, чем были недовольны. Не врите на народ – ему ваши ответственные министерства, замены Щегловитых Малянтовичами и отмены всяческих цензур были нужны, как летошний снег, и он это доказал твердо и жестоко, сбросивши к черту временное правительство, и Учредительное собрание, и “все, за что погибали поколения лучших российских людей”, как вы выражаетесь» [3]. «Окаянные дни» – это исторический и литературный памятник, памятник жертвам Гражданской войны.

Публицистика и литература начала XX века очень разнообразна, но одно ее объединяет – выстраданность. Вопросы судьбы России, ее исторического пути развития и вопросы отношения к власти волновали русских поэтов, писателей. Вне зависимости от политических и философско-эстетических взглядов их волновало одно – возрождение России.

М. А. Булгаков писал: только через страдание приходит истина... Это верно. Но за знание истины ни денег не платят, ни пайка не дают. Печально, но факт.

1. Шульгин В. В. Дни. 1920. М., 1989.

2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

3. Бунин И. А. Окаянные дни: Воспоминания. Статьи / сост., предисл. и коммент. А. К. Бабореко. М., 1990.

Л. С. Кислова

г. Тюмень

Гендерный конфликт в гламурной прозе Оксаны Робски

Художественная проза Оксаны Робски, безусловно, развивается в границах дамского романа, но при этом разрушает его устоявшиеся критерии (стандартизация, эскапизм, серийность) и формирует новую традицию отечественного литературного гламура. В романах О. Робски («Casual», «День счастья – завтра», «Про любов/он», «Casual – 2», «Эта тета») не только обыгрываются традиционные формулы дамского рома-